Мы знаем с вами, дорогие друзья, что в этом году в праздник Преображения Господня Карповской церкви исполняется 200 лет со дня основания. По этому знатному событию в приходе готовится к изданию книга. Михаил Ляпин, имея благословение настоятеля храма, прислал мне ряд вопросов, предполагая, если получится, использовать воспоминания людей старшего поколения. Один из вопросов таков: «Что вы можете рассказать об уполномоченных по делам религий? Известны ли вам из рассказов отца... конкретные случаи вмешательства уполномоченных в жизнь Карповской церкви?..»

Я мало чего помню из того времени «вмешательства уполномоченных». Конечно, они были, но конкретных и утвердительных примеров не могу привести. Наверное, отца Григория Долбунова перевели в с. Рожново из Карповки по инициативе уполномоченного (тогда без их ведома правящий архиерей вообще ничего не мог установить-сделать. Даже во время правления архиепископа, а потом и митрополита Николая (Кутепова), участника Великой Отечественной войны и уважаемого в светских кругах, не всегда получалось уладить, решить вопрос по тому или иному ставленнику во священники.

Про себя скажу: владыка Николай позвал меня в священники. Это был 1979 год. Я тогда уже постоянно начал посещать Всенощную на воскресенье и Литургии. И в большие праздники чаще всего в Карповской церкви. Там я читал и пел на клиросе, читал Шестопсалмие и Апостола. И когда мои семейные несогласия были разрешены, в третий его, митрополита Николая, призыв я подал прошение. И получилось так, что восемь месяцев длилось состояние ожидания. Правда, владыка не велел мне уходить с гражданской работы... Причины я не спрашивал, но догадаться было нетрудно — фамилия Юшковых была на слуху в Отделе по делам религии, а я работал в Художественном фонде при Союзе художников...

Время шло. Неопределенность напрягала, и тогда была подсказка — предложение поехать в соседнюю епархию к владыке Амвросию Ивановскому и Кинешскому. Я пришел к владыке Николаю и этот вариант ему рассказал. Вот его ответ: «Не рассержусь, сын мой, и не обижусь, поезжай...» И добавил: «У меня в моей практике еще не было, чтобы я так долго не мог продвинуть-утвердить кандидатуру ставленника».

Вывод очевиден, владыке просто не позволили или не рекомендовали...

---

* Продолжение. Начало «Вертикаль. XXI век» № 51.

А что было раньше при архиепископе Флавиане, можно тоже только удивляться. Это уже по рассказам отца (очень скудным, кратким, так как «инструкциями по умолчанию» начальствующие в Церкви были снабжены — папа тогда был настоятелем в Карповке). В коридоре (одного из зданий в Кремле), ведущем к приёмной уполномоченного по делам религии, сидят на стульях «гуськом» и отдельно друг от друга священники. Впереди у самой двери приёмной владыка Флавиан... То есть для советской власти наши иерархические тонкости не существовали. И всех их называли не по сану, а по имени-отчеству. Я не знаю, как звали (по граждански) архиепископа Флавиана, но митрополита Николая называли Николаем Васильевичем. Ещё было в те времена такое выражение: «священников гоняют, как гусей» (кто-то говорил «попов гоняют»). К большому сожалению, такие «погоны» и ныне не кончились. Однако, несмотря на скудность памяти, этот вопрос вызвал у меня другие параллельные размышления, воспоминания, и мне хочется поразмышлять.

Вот, к примеру, говорят слова: сионизм, национализм, масонство — и ты не вникаешь в смысл этих слов, не проявляешь интереса, хотя они, эти понятия, или, может быть, точнее сказать программы, имели место как в те прошедшие времена, так и нынешние. Или понятие: раскол, разделение церквей — единой Христианской Церкви на кафолическую и католическую, или создание организации Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), экуменизм, в котором смешивается всё и уравниваются все...

Мой недостаток — «неосведомлённость», не проявление необходимого интереса, думается, присущ многим... А жизнь идёт и те «понятия-программы», о которых мы только наслышаны, живут и утверждаются, обозначают «плоды» разрушительной своей деятельности.

Вспоминается один эпизод. Тому теперь уже, почитай, лет сорок, я ещё не был священником, мне пришлось быть на поминальном обеде в московской семье. Мы дружили, и в один из приездов в Москву, так совпало, что после службы в храме мы приехали на квартиру к накрытому столу — отмечалась година одного из родственников. За столом было не много гостей — кроме хозяина с женой, два священника, диакон и какой-то приезжий, которого я не знал. Гость был, видимо, большим знатоком каких-то неизвестных мне тем, а мои друзья, кроме того, что священнослужители, ещё и высокообразованные — учёные люди из старой московской настоящей интеллигенции (достаточно сказать, что их родители дружили с известным художником М. Нестеровым, его семьёй, жили с ним по соседству), и они задали гостю вопрос о масонстве. Причём — в среде священников... Я сидел на другом конце стола, плохо расслышивал и не особенно вникал в незнакомую тему. Кроме того, москвичи имеют свойство «говорить непонятно», и поэтому ничего тогдашнего я не запомнил. А вот сейчас это всплыло в моей памяти. Всплыло и всё так «по поверхности» — суть предмета ведь совсем не знакома. Однажды, это уже наше время, кто-то мне рассказал такую байку: Правящий архиерей выходит из Кафедрального собора. Всё пространство от центрального входа до ограды высвобождено. Люди далеко в стороне и за оградой. Владыко должен быстро, беспрепятственно пройти это пространство до машины, сесть и уехать (все расписано по протоколу). И вдруг совершенно неожиданно (откуда он только взялся?) казак выходит следом за владыкой и говорит-спрашивает: «Владыка, вы масон?» «А тебе не всё равно?» — последовал ответ.

Какая реакция, и какой точный ответ. Действительно, не всё ли равно человеку из толпы? Хоть он и казак (а может «ряженный»). И нам, разумеется, всё равно. Улыбнулись и забыли. Говорят, что досталось начальнику соответствующей службы, за «казачка» того... Мы-то это упомянули потому, что «витают» в воздухе такие словечки и, значит, имеют за собой какую-то скрытую от нас сущность. Видимо — имеют...

Незадолго до этого был подобный штрих — разговор не разговор, а тоже случайное, не конкретное напоминание. Один молодой человек,

помогающий нам — мне и прихожанам Сергиевского храма по обустройству прихода (в основном по бумажным делам) — однажды говорит мне: «А вы знаете, что на Бору есть масоны?»

— Неужели? — удивляюсь. — Не верится что-то… И что, тебя сватали?

— Да вроде того…

— Так ведь у них, говорят, всё тайной покрыто…

— Вот и я не очень понял… Кажется — то проверка была на реакцию… Кто-то к кому-то приехал из Нижнего, и мы пересеклись по административным делам!

— Ты же христианин!

— Оказывается, у них подразделения есть, и даже православные.

Такие «таинственные» неопределённые слова: «уполномоченные по делам религии», «масоны», «экуменисты», «глобалисты» и много ещё других. И ещё «осведомители». Да, да, у «уполномоченных» они обязательно должны быть, и были. В каждом храме. И не по одному. И не исключено, что были осведомители об осведомителях, так надёжнее, точнее полученная информация. Думается, что «они» и поныне есть. Может быть, не в таком масштабе, но «должны быть», так, на всякий случай…

А таинственность и неразгаданность, а может, всё то же нежелание вникнуть в суть того или иного понятия, то есть леность души и поверхностность знаний, всё так же остаются за нами. И не исключено, что за эти наши недостатки-погрешности мы будем отвечать (не за «уполномоченных», конечно, а, к примеру, за «экуменистов», которых поддерживаем и с которыми склонны соглашаться.

Вот такой получился ответ. Не знаю, будет ли он полезен вопрошателю, и можно было бы оставить этот малознакомый и, как я уже сказал, поверхностный взгляд, если бы не попавшая статья, в какой-то мере продолжающая нашу тему. «Русский вестник» № 12, 2017. Называется «Блаженны изгнанные», в которой ведётся разговор некоего Владимира Смирнова с известным протоиереем Всеволодом Чаплиным.

Автор статьи сразу оговаривается, что: «Протоиерей — неоднозначный человек. Одних он злил, других пугал, третьих настораживал…» Ещё автор как-бы вместо эпиграфа говорит: «Люди не слепые, они видят. Они боятся за веру и за то, что веру можно поколебать».

Думается, что в настоящее время «за веру и что её можно поколебать» боятся многие. И потому рассуждения не окажутся напрасными, хотя «недосказанности» и «таинственности» у нас не исчезнут. Но настороженность к сложности духовного состояния внутри церкви останется…

Так вот — первый вопрос от автора статьи В. Смирнова: «Отец Всеволод, полтора года назад вы занимали видное место в церковной иерархии. Вы были церковным министром по делам отношений Церкви с государством, но последовала громкая отставка. Можно узнать, что произошло?

— Я на самом деле сам выбрал свой путь. Я никогда не занимался… (мелочами - о. Е.), считал и считаю своим долгом прямо говорить о тех системных ошибках, которые совершаются в церкви и в государстве…

Мы предали русских людей, и это положение надо исправлять…

Далее идет рассуждение о. Всеволода, и правильное, но мы не чувствуем, что какое-то «исправление» происходит, не чувствуем, что просматривается в следующем приведённом им примере «из церковной практики, о котором нужно говорить, — это отсутствие реакции на обоснованные жалобы. Люди жалуются на произвол епископов, жалуются на зарвавшихся священников, на определённые нравственные проблемы, а ответом является молчание. Это катастрофа».

У нас на периферии таких «молчанок» тоже не занимать… Молчанок вопиющих… И это значит — проблема общецерковная.

Далее о. Всеволод говорит, что он работал с Патриархом четверть века и «всегда был самостоятельным человеком… со своими взглядами, со своими предложениями…» И, стало быть, был уважаемым, но что кон-

кретно произошло между ними, не ясно. Только следующий вопрос-вывод автора статьи такой: «Значит, причина вашей отставки кроется в том, что вы говорили правду?»

— Ответ однозначный: «Да. И я убежден, что будущее не за округлыми фразами, а за Христовой правдой и за теми, кто про неё говорит».

Вот те на... Работали, работали в одной Церкви, и вдруг такой разлад... И «открытие»? - что «страдания за правду Божию» одного, логически вызывает вопрос, а те, которые наказали, они вне Этой правды?..

И опять молчание. Никаких пояснений, никакой конкретики.

И другой вопрос.

— Но ведь правда, говорят, у каждого своя.

— Я убеждён, — продолжает прот. Всеволод, — что есть абсолютная правда — это Божья правда. Она нам дана в Евангелии, она нам дана в наследии святых, и есть вопросы, по которым двух мнений быть не может...»

— И вы готовы пострадать за правду?

— Конечно...

Далее идет утверждение этой «конечности». Но ох уж эта логика и нетерпеливость, и вопрос («в воздух?») — так от кого это «пострадание за правду» отцу Всеволоду будет или может быть? Если «наказанному» о. Всеволоду дали «место настоятеля храма на Большой Никитской улице», и сам батюшка благодарен Богу, что это: «храм святого Феодора Студита, храм маленький... небогатый... очень древний... (и что) в этом храме молился Суворов. Построен он был великим патриархом Филаретом, отцом первого царя из династии Романовых». И тогда какие страдания? От кого гонения за правду?

Или я бестолковый, или в Москве всё так запутано, что автор статьи тоже пользуется «округлыми фразами», против которых протоиерей Всеволод?..

Так и прокручиваются в голове те фразы, с которых мы начали, а ясности всё так же нет. Правда, один из последних вопросов о. Всеволоду и ответ на него радует. С ним нельзя не согласиться.

— И все-таки непривычно слышать от духовного лица воинственные речи.

— Я вам скажу, что если христианство усыпляет, успокаивает – это антихристианство; если христианство убаюкивает — это псевдохристианство. Христианство должно не убаюкивать, а пробуждать, должно бить в набат.

«Набат» — слово настораживающее...

И вопросы задавать проще, чем на них отвечать.

***

Меня неоднократно просили высказать мнение о личности Михаила Сметанина, но я как-то воздерживался, памятуя разность о нём суждений. Были, а может и ныне ещё есть, которые называли его чуть ли не колдуном. Я такого мнения не разделяю, хотя были какие-то нюансы, вызывающие недоумение (наслышаны мы были, что он очень тяжело умирал), напротив — все мои суждения несут положительный заряд, по крайне мере для меня лично. Я знал, что папа руководствовался советами «дедушки» (так мы его звали в кругу родственников, в кругу общих знакомых — «дедушка Михаил»), и потому когда после армейской службы вдруг неожиданно даже для самого себя, не говоря уже о родителях и братьях, познакомился с девушкой, я сразу же повел её к нему. Мы ехали по железной дороге до станции Игумново и сколько-то шли пешком. «Дедушка» нас принял приветливо и благословил, только Ларисе (через месяц мы поженились) легонько, но как-то значительно постучал по голове костяшкой своей большой руки.

Он был черноволосый с чёрными бровями, глаза тоже тёмные, но цвет лица светлый и вид доброжелательный... Лариса, конечно, ничего

не поняла, и вообще все время (весь месяц) была как в бреду от накатившихся головокружительных событий, о которых можно отдельно рассказывать. Я же был в глубоком удовлетворении и благодарности Богу, что Он послал мне невесту. Первый «заслон» пройден благополучно. И когда приедут родители (они были в Киеве или в Почаевской Лавре — отец во время отпуска старался посещать святые места и при возможности брал с собой маму), я им всё доложу, и они тоже благословят.

Так всё и произошло!

Вспоминается ещё ранее, в отрочестве, в голодные послевоенные годы (1947-1950-е) были такие «мелочи» от «дедушки», когда папа в очередной приезд выслушивал его «прозорливые» слова: «Николай, я «заглядывал к тебе в подполье, картошки тебе не хватит, надо прикупить...» Многие бытовые вопросы, типа покупать корову или нет, без «дедушки» не решались.

Я не знал и сейчас не знаю, как к этому относиться и много ли здесь «духовного-спасительного», и есть ли оно вообще. Но мне не мешало это жить, и я относился к нему с уважением, хотя потом, после описанного с Ларисой визита, мы, кажется, ни разу к нему не ездили.

Но, может, я и запамятовал.

Ещё я знаю, что к «дедушке» за советом ездили дядя Миша (папин брат — потом он тоже, как и папа, станет священником) и Николай Иванович Буторин (муж папиной сестры Елизаветы, моей тётки — он в войну был комиссован по ранению руки, но на родину в Можгу Удмуртской АССР не поехал, жил у нас некоторое время, работал на Станкозаводе столяром-модельщиком), про него-то, совсем для меня неожиданно, и рассказал отец Лев — мой двоюродный брат, сын вышеупомянутого дяди Михаила.

Это было в начале нынешнего Великого Поста. Он с матушкой заехал к нам поисповедоваться. После, не помню по какой причине, у нас зашёл разговор о «дедушке» Михаиле, и я услышал о чудесном случае с Николаем Ивановичем (с дядей Колей), произошедшем с ним на железнодорожном вокзале. Но прежде чем описывать случай, следует сказать несколько слов о дяде Коле.

Воспоминания мои и наблюдения (мне было 11-13 лет, когда он у нас жил) дополнят картинку. Кто поведал о. Льву сию историю, я не выяснил. Дело в том, что о. Лев моложе меня на 23 года, оттого и «неожиданность» его рассказа для меня. Я же, из молодости, из тех послевоенных лет (и потом, когда папа уже стал священником — 1952-1953 годы) знал, что дядя Коля, по благословению (или скажем «по слову», так как «дедушка Михаил» не был священником, и тут, видимо, следует употреблять слово «старец») делал много земных поклонов, что, впрочем, характерно и для других «дедушкиных» почитателей. А «много поклонов» могло быть (и было) причиной бесовских нападений, по которым дядя Коля ездил чаще других к нему за советами. И однажды, скорее всего это было перед самым отъездом на Родину — в Можгу, дядя Коля сильно сокрушался перед «дедушкой» о сложности поездки в поездах, говоря (и это вот тот самый рассказ о. Льва): «На станции-то что творится, один народ, все рвутся уехать, не знай, как я справляюсь?»

— Да, уедешь ты, — вещает ему «дедушка». — Вон напильничек-то возьми!

На подоконнике в прихожей лежит напильник – взял, конечно. Чудит дедушка Михаил, но не ослушаться же его. Сунул в карман. Попрощались, и ушёл, не избавившись от мыслей — как буду справляться до дому. Далеко ведь, поезда переполнены.

На станции в кассовом зале тьма народу, к кассе не пробиться. Да и пробьёшься — билетов все равно нет... Пошёл на перрон. До поезда ещё два часа, а там уже многолюдно... Хожу взад-вперед по перрону. В одном конце две женщины (железнодорожницы) пилят бревна. Смотрю, «скачет» у них пила, тупущая. Подхожу, вспоминая про напильничек-

то, говорю: давайте подсоблю… Они, видя напильничек, молча подают пилу. Мигом наточил, а они в радости — чем отблагодарить? Не успел, говорит, я им на своём деревенском языке все подробности рассказать, через полчаса мне билет принесли… Вот тебе и напильничек… Вот тебе и дедушкины причуды…

Чудеса, да и только… Есть и ещё случаи, которые мне приходилось наблюдать, про двух женщин, одержимых духом нечистым, но это в другом рассказе.

Галина печаль

В последнее время Галя часто звонила и все спрашивала, как мы? Как матушка?

Я ей отвечал, что матушка жалуется на предельное бессилие, но при этом является для меня примером стойкости духа в своём аскетизме (не знаю, вольном или невольном), в своем отказе от пищи и пития, от всего. Себя укорял в обжорстве, и мне было грустно. Очень.

Вчера я тоже была на службе. «Веселая» была служба, нас всех покропили водой, все улыбались. А потом я пошла на Волгу, у нас тут рядом, из Покровского-то, и там сидела и плакала. Потому что Витечки нет рядом, он в Москве лежит больной и уже не приедет… А в том году в это же время мы с ним вместе так же сидели. Я пригласила его на Волгу, и он с радостью согласился. Мы сидели, как в детстве, и небо было синее, и Волга была синяя, и как словно для него корабли один за другим, разноцветные с отдыхающими, плывут и плывут (а то бывало — не дождёшься ни одного пароходика, а тут на тебе, только любуйся, и мы любовались и радовались). А вчера я плакала и от красоты, и, наверное, от того, что то прошлогоднее ушло навсегда — никогда больше не будет.

Витечка — брат мой, он старше меня на пять лет (мне уже 80, мы все старые), и его жена уже не пустит. Раньше он упрямством брал: и плохо видит, и неважно слышит, и ноги не слушаются, но – поеду, и всё. И едет один (с женой очень редко, только в молодости), и мы работали в огороде, ходили на кладбище — поминали родителей и ходили в луга и на Волгу, смотрели на «Николу-Погост», это же напротив нас, и облака, и дубрава были нашей отрадой. А вчера я плакала…

15 августа 2017

(14 авг. как известно: «Изнесение Честных Древ Креста», после службы бывает водосвятный молебен и освящение мёда).

А это — печаль моя

У нас в храме тоже естественно была служба. В этот день 37 лет назад меня посвятили во диаконы (в кафедральном соборе г. Иванова), и он мне вдвойне дорог и памятен. Да и вообще, люди божии любят эти дни — первый день Успенского поста и до Успения и Нерукотворного образа — 3-й Спас. Любят и почитают, и пост соблюдают, и к Преображению стремятся. Было на молебне тоже, как у вас, улыбчиво и легко. Занемоглось немного и воскресная служба накануне была с напрягом, но, слава Богу, всё справили. А в понедельник, 14-го было легко, народ помолился, и Господь миловал, и продлевает снова и снова и незаслуженно, и по милости Его ко всему приходу нашему.

А я плакал на другой день во вторник 15 августа, и, кажется, не один раз подступали слезы, потому что матушка «уходит». Весь день, весь вечер и всю ночь она не вставала и на «что-нибудь почитать» говорила «не надо», и говорила тихо-тихо, скорее даже движением головы, а не губ. И губы были сжаты, что для неё нехарактерно. У матушки прекрасные губы всегда были и по форме, и по цвету… И я думал, что она в эту ночь умрет. И я не знал, что делать. Врачей и всяких процедур она не хочет (сколько раз мы предлагали), и это её «тихо поживу» не дает мне права её свободу нарушить…

Что-то я ей кратко говорил, прочитал у её изголовья канон ко Пресвятой Богородице у иконы «Феодоровской Божией Матери» (подарок моего отца первой старшей снохе, когда мы уезжали из родительского дома на Бор) и просил матушку ждать до утра. Дочь и сын обещали приехать… И она ждёт, правда, всё ещё в продолжающемся сне…

16 авг. 10 час. 30 мин. 2017 г.

***

16 августа родилась моя тётка Нина (мамина средняя сестра), и ей сегодня 93 года. Живет в Нижнем Новгороде. Надо позвонить двоюродной сестре, её дочери, которая за ней смотрит и с ней практически живёт. Позвонить и поздравить нашу удивительную, сухонькую, но постоянно чего-то делающую старушку. Она ещё на ногах и может в это время находиться в огороде у внучки.

***

Кому нужны такие записи? Наверное, очень малому числу людей (да и кто ныне читает?). Может быть, детям и внукам, некоторым близким и друзьям, потому что родственные души. Но, может, и тем вдруг, которые окажутся в подобных обстоятельствах… и прочтут, и им не будет так одиноко. Может, обретут некоторое тихое спокойствие (а если болезнь проходит «не тихо», то вряд ли…) и помолятся, и знаемых попросят помолиться, и должно стать лучше. Непременно.

Конечно, для другого эта писанина окажется (или может оказаться) скучной и многословной, когда он прочтёт для сравнения краткую поэтическую строчку (и к моему тоже удивлению), и скажет: вот в нескольких строчках выражено гораздо более ёмко и образно:

По хлипкой тропинке брести осторожно…
Былое размылось… Выдумывать — лень…
Неправда, что на сердце так же тревожно,
А правда лишь то, что зачахла сирень.

Но — то ж поэт! Весь стих хорош, он напечатан в журнале «Вертикаль. XXI век», номер 50, стр. 182.

Но ещё от одной строчки удержаться не могу:

Есть Слово…
И все остальное неправда,
А правда, что птицам сегодня в отлёт.

Все понимают, что «птицам в отлёт», но говорят об этом по-разному, некоторые просто молчат и плачут, другие смотрят в небо, провожая косяк отлетающих в тёплые страны птиц.

***

«Яко Ты люди смиренныя спасеши, и очи гордых смириши».

«…Не поднимай сильно брови-то, и от кичливости отстань. Взор твой к земле склони и поразмысли о бедности своего естества». (*Префраз. толкование на стих 28 псалма 17-го*).

Евангельская картина: Голгофа. Распятый Христос и два разбойника… И один из них, также страдающий, несмотря на жуткую невыносимость, однако «поднимает брови, от кичливости своей не отстает» и дерзко кричит страдающему безвинно Человеку: «Эй, Ты, если Ты Бог, спаси Себя и нас…»

А другой, как известно, «брови не поднимал», а постарался посмотреть «внутрь себя» и оказался благоразумным…

***

«…Не заботьтесь, и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?… Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (*Мф. 6, 31-32*).

Конечно же, эти слова, сказанные евангелистом, нельзя понимать в буквальном смысле. Семя надо сеять, когда настанет время и «по воду» надо идти, иначе можно умереть от жажды по лености своей… Конечно же, речь идет о главном: Если «Отец ваш Небесный знает ваши нужды», то и у всех нас Он — Господь, должен быть, по крайней мере, в христианской семье, «во главе угла». Должно, но далеко не всегда так бывает… А что у нас во «главе угла»?

Мы украшаем свои дома, квартиры… На днях мне пришлось быть в новой отделанной квартире: добротные стены, добротные двери… диван и кресла, и люстра изысканная… Удобная кухня, занавесы со всякого рода украшениями и висюльками (всё в меру, впрочем, и со вкусом), стол и посуда… и всё, всё, всё… А где иконы? Иконы есть (и тоже хорошие), но они пока над кухонным шкафом, или на окне, или на прикроватной тумбочке…

Все по-человечески оправдываемо и простительно… И что хорошие мастера-отделочники есть, и что достаток — сегодня всё, как говорится, слава Богу. Но «слава не та». Красного угла — нет. Он не мыслился изначально… То есть, простите за вольность, «танцевали не от него». Ему место «потом», и это «потом», бывает, делается годами, а может, и не делается вовсе… Все это, конечно, внешняя сторона дела, но в этом внешнем невольно просматривается, «где наше сердце». И хотя мы можем знать наизусть евангельскую фразу, что «Отец Небесный знает, что и в чём мы имеем нужду», Ему честь мы не отдаём… то есть, отдаём, но не в первую очередь…

Вспоминается красный угол в доме Сергия Иосифовича в г. Покрове: прекрасный резной кивот, занимающий весь угол с большой основной иконой, с лампадой, без лишней мишуры… Или в московской квартире старинных настоящих интеллигентов иконы и книги. Книги и иконы у них — предмет душевной «роскоши» и значимости, и на первом месте, во «главе угла», то есть в красном углу…

В той же упомянутой новой квартире, как-то вскользь возникал вопрос о «печати — 666», но по предложению одного из собеседников — отринут, мол, не время… А мне подумалось (и я успел «выскочить» и сказать «мыслящему о печати»), что мы её сами себе ставим всюду и что нашими заботами мы давно всё «опечатали», и антихристу осталось «чуть-чуть». Вот «подтверждение». Кто-то мне принёс извлечение из интернета. Там ведь всё есть. И даже «современная притча» про то, как сатана учил подчинённых демонов, мелких бесов, как «работать с людьми»: «Займите их пустяками, найдите способы занять их ум всякими ненужными делами. А главное, внушите им стремление к материальным благам и обогащению — к мамоне. Пусть они проникнутся желанием зарабатывания как можно большего количества денег — покупают себе машины, квартиры, дачи. Пусть зарабатывают всё больше и больше денег, чтобы ходить в рестораны и кафе, чтобы покупать дорогую модную одежду, делать дорогой ремонт в квартирах и обставлять их модной мебелью. Искушайте их тратить, тратить и брать, брать в долг, брать многолетние кредиты и таким образом попадать в кабалу к банкам. А когда они загорятся желанием личного обогащения, погоней за мамоной, им уже будет не нужен Христос».

Похоже на нашу жизнь? К великому сожалению, и немало…

Ну, не в такой же мере?..

Мы же видим — духовное возрождение. Оно оставляет желать лучшего, но оно есть!.. И оно — удивительно! Перечислять устанешь, что произошло на наших глазах за последние 30 лет.

У вас этого (что в программе сатаны) нет?.. Я искренне рад за вас. А у ваших детей, внуков и близких?.. Я вдвойне рад за вас!.. Однако всё не так просто… Мир совершенствуется в смысле технических достижений, враг изощряется…

Сегодня он работает и в стенах Церкви. И те «уловки» его перечисленные, в смысле бытовой стороны, имеют место и внутри церковно-

го общества: деньги и суета, украшательство и поверхностность… Нет крепких общин, батюшек гоняют с места на место, бесчисленное множество денежных поборов с приходов, батюшки молодые проводят время в интернете, и семьи, матушки их от этого страдают…

«Мы призваны уповать не на свой разум и силы, а на всемогущую силу Божию…» И это «упование» совсем не значит, что над нами всегда должны совершаться какие-то чудеса. Отнюдь нет. Напротив — «это будет значить не уповать на Бога, а искушать Его», по слову арх. Дмитрия.

А еще он говорил: «Нужно ли, чтобы насущный хлеб наш нисходил к нам с неба, когда Господь повелел земле растить его?.. Не менее ложно было бы упование наше на промысел Божий, если мы сами оставались бы беспечными и ленивыми… И дожди, и солнце были бы бесполезны, если бы мы не возделывали землю и не посеяли семена…

Если в жизненных трудностях ты только говоришь и бездействуешь, то не искушаешь ли ты этим Господа?.. **Не тяжкий ли это грех — уповать на Бога только для того, чтобы вести праздную жизнь?**»

***

Сегодняшняя Евангельская притча на удивление не похожа на другие… Обычно чудеса Иисусовы привлекали народ… и даже многие искали с Ним новой встречи, чтобы увидеть-пережить новое чудо (как, например, чудо по насыщению пятью хлебами пять тысяч… людей), а тут вдруг: «Весь город вышел навстречу Иисусу; и увидев Его, просили, чтобы Он отошёл от пределов их». (*Мф. 8, 34*).

«Люди не обрадовались спасению своих братьев (будучи больными-одержимыми от бесов), а огорчились гибели свиного стада и испугались» (а вдруг они еще чего-нибудь лишатся) и «попросили удалиться Христу» от них… И так, она — эта далекая от нас с вами история, сегодня актуальна-злободневна.

«Мы гоним от себя Бога, боясь, чтобы Он своей любовью не разрушил греховный строй нашей жизни».

«— Уйди, — говорили Христу гергесинцы… Уйди — сказали Христу иудеи, — мы не хотим Твоей страшной проповеди о смирении и любви, — и убили Христа… потому что **Он мешает им погибнуть в сладком забвении**… И мы продолжаем говорить Христу: уйди! Каждый раз, когда отказываем ближнему во внимании, в искреннем участии, наконец, в материальной помощи (вспомним Его слова: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Мф. 25, 40). (*Наст. кн. для свящ. Том 5, стр. 82*).

И если очень много людей забывают эти Христовы, оставленные нам через апостола-евангелиста слова, то целая страна может погибнуть…

Это не значит, что на Украине нет людей, не помнящих Христовы заповеди, напротив, может быть, как раз там — эпицентр сегодня, отбора настоящих семян от плевел… И будут и святые, выстоявшие до конца за правду Христову.

Это значит, что мы сегодня видим с вами яркую иллюстрацию **«погружения мира во зло»** (такие слова сказала христианка-журналистка… и мы их в прошлое воскресение говорили) **и еще добавила, что «мынедооцениваем степень погружения мира во зло…»**

Недооцениваем!.. И кто-то (наверное, их целая армия — «засадный резерв») очень старается, чтобы люди не только недооценивали, а и не помнили, или быстренько забывали… В очередных новостях сразу же после «апокалипсических» кадров нам начнут, и долго будут говорить о футболе (чемпионат же на носу), о «Синей птице», о выборах, и много ещё чего отвлекающего и, безусловно, вроде бы нужного… **но в результате, чтобы «недооценивали»** и пропускали мимо ушей и жадных взоров на «Новостную новизну»…

И вот совсем свежий пример. В пятницу вечером показывали, как тех, которые «оценивают» перспективу будущего — их били, смывали

струей водометов. Это антиглобалисты противостояли, и должно быть будут противостоять, глобалистам… А примерно за неделю до этого они — «антиглобалисты» — совершали мирную акцию протеста. Они устроили такое шествие (показали несколько кадров): довольно много людей оделись в одинаковую форму (под рядового рабочего) и все (и одежду и лица — как это они умудрились) выкрасили в серый пепельный цвет. Этакая серая масса — все одинаковые… **и идут**, видимо, к какому-то центру… Идут.

Картинка впечатляет — обезличивание человека «на лицо»… и они нас предупреждают, что такое по плану глобалистов будет. А мы какой-то малой частичкой замусоренной черепной коробки понимаем, что ведь мы должны быть с ними (не в смысле бить витрины и жечь машины, а в смысле согласия по идее, в смысле понимания хода «Мировой машины», запущенной на выстраивание благополучия «Золотому миллиарду»). Вместо этого, мы заинтересованы, чтобы прошли благополучно встречи, чтобы «двадцатка» хорошо поработала. И пусть огромная армия полицейских, обеспечиваемая глобалистами, колотит тех самых «анти», которые «оценивают» общую мировую глобальную программу, и предупреждают, и с риском за свою собственную жизнь, нас…

Сегодня Европа всё настойчивее продолжает говорить Христу — уйди…

***

«В Евангелии описано много случаев беснования… Общее впечатление о многих людях, которых встретил Господь Иисус Христос во время земной жизни, таково, словно они были в плену не только внешнем у римлян, но и души их были в плену у диавола». Видимо так было всегда. Не похоже ли и наше время на их времена, словно и не прошло 2000 лет?

«Не происходит ли подобного с нами? Изредка встречаются настоящие одержимые, но одержимыми можно называть всех, кто творит злое… Человеческий род устроен так, что ничто содеянное не пропадает, за всё приходится платить… Мы должны стараться, чтобы ни капли зла не вошло в плоть и кровь наших потомков…

Первые средства не допустить духа зла, по примеру Спасителя, — пост и молитва…» (*Наст.кн. свящ. т.5 стр.94*).

Неделя 10-я по Пятидесятнице.

13 августа 2017

***

Пост и молитва!.. Но какая молитва? Как мы молимся, привыкшие к комфорту, такие в большинстве своем изнеженные и «оранжерейные»?

Какая-никакая, какие-никакие, но ваши молитвы помогают и очевидно Господь слышит вас и продлевает дни наши… и мы продолжаем служить… Я благодарен вам, братия и сестры, за ваши искренние, сердечные молитвы…, но мне хочется, чтобы молитвы ваши и мои были правильными, чтобы мы понимали, что исход молитвы (результат) может быть и другой… нами не желаемый, не «принимаемый», и мы должны быть «готовы быть не услышанными…»

На днях мне почему-то пришли такие мысли: Христос молится в Гефсиманском саду. Крайнее напряжение, до кровавого пота: «Душа моя скорбит смертельно…» - говорит Христос и просит помолиться с Ним самых близких апостолов, а они засыпают… Это что такое происходит?..

Нам простым и грешным людям вряд ли возможно понять вообще происходящее, но допускаю такое рассуждение — если бы апостолы не спали… о чем бы они молились? В помощь, до глубины, донизу, по человеческому естеству, дошедшему в душевных страданиях Богочеловеку-Христу?.. О чем?.. Наверное, о том, чтобы «миновала Его Чаша сия». Но ведь Он уже, Сам же вопрошая, и ответил Отцу: «Но не как Я хочу, а как Ты, Отче»… Тогда и молитва апостолов не нужна. Чашу может и должен

понести только сам Христос. И выходит, что обращение к апостолам в молитвенной помощи — это была дань «человеческой, во Христе, немощи». И это значит, что Он прошёл всё... Развязка неотвратима, потому что совершается завершение замысла Бога о спасении человека... И Божественная Жертва — Сын Божий — Агнец закалается, чтобы победить смерть...

Из этого разговора (повторюсь) следует вывод, что молитва, какой бы не была она силы, может быть невыполненной, и мы должны быть к этому готовы...

В самом Евангелии, в Деяниях тому множество примеров... Церковь молилась... и молитва помогала... но до времени... наступала... «Голгофа», и они шли на неё, да ещё и с радостью... Молитва «переставала действовать?..»

Господь призывал!..

Итак, с чего мы начали? Пост и молитва — первые средства чтобы не допустить духа зла... И еще, безусловно: Вера!.. Как веруем?

Известный проповедник прот. Андрей Ткачев разъясняет нам известные, кажется, евангельские истины и ставит вопрос: «Как веруем?» И ярко отвечает.

«Христос ничему не удивляется, кроме лишь только наличию веры или её отсутствию». Христос удивляется вере сотника (офицер римской армии в переводе на современный язык), обратившегося к Нему, чтобы исцелить его больного отрока, говоря: зачем Тебе приходить к нему, Ты только скажи, и выздоровеет отрок мой. Вот «я и подвластный человек», а что прикажу подчинённому воину, то он безукоснительно и исполнит. Так и Ты, скажи болезни, чтоб она ушла, и уйдет. И удивление Христа тогда выразилось в слове: «Я и в Израиле толикой веры не обрел».

И так же Господь удивляется неверию фарисеев и книжников и, скорбя, говорит: «Как вы не имеете веры?» Получается, что «веры нет в тех, в ком она должна быть, и что вера есть в тех, в ком её особо и ожидать-то не приходится». И еще протоиерей Андрей говорит, что «вера есть дар удивительный... (и она может странным образом) тихо покинуть души тех, от кого мы ждём настоящей, чудотворной, сильной, мудрой веры», и такое печальное состояние, боюсь, что ныне достаточно распространённое и среди так называемых верующих людей, то есть среди нас, но проповедник сразу же и оговаривается, приводя пример, в котором отец бесноватого ребёнка, просящий Христа о помощи (изгнать беса), на что Христос отвечал ему: «Если можешь, веруй, ибо всё возможно верующему». И отец воскликнул некую страшную тайну о человеке: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» (*Мк. 9;17-24*).

Это точно про нас. «Вера во мне есть, но и неверие во мне есть. А чего больше, что победит — это, конечно, уже вопрос». (*Прот. А.Ткачев из беседы «О вере»*).

Мы не знаем чего мы хотим...

Матушка не ест уже три недели... Все время спит, приняв валерьянку и ещё какие-то сонные, но вечерние новости смотрит и меня спрашивает: «Ты посмотришь со мной новости?» И в этом вопросе звучит что-то до слез трогательное и обвинительное для меня. Другого общения ты ей не дал...

Сегодня утром заглядываю в её комнату. Укутанная не летним одеялом, положение рук и головы выражают состояние глубокого покоя...

Вчера вечером жаловалась на боль в животе, и что «ужинать» и даже чай пить она не будет.

Её «состояние покоя» почему-то вызвало из воспоминаний молодых годов, когда я ещё работал в Художественном фонде в качестве мастера художественного цеха (то есть обслуживал художников, работающих на объектах — городских предприятий). Тогда мы познакомились с Людмилой Журавлевой, только что окончившей Строгановский институт по

факультету «Монументальное искусство»; по распределению, по месту жительства мужа, она была направлена в Нижегородское отделение Союза художников СССР! Мы сразу же подружились и чуть ли не в первый же год я пригласил её на реставрацию настенной живописи в одном из храмов Ярославской области. И она рассказывала, что дипломная работа у неё была посвящена «Экологии Земли» — проект настенной росписи в каком-то институте… И потом, когда они с дочкой переехали жить во Владимир и я посещал их, Людмила показывала мне подготовительный эскиз, на котором изображен лежащий на Земле юноша, совершенно отстранённый от внешнего мира — «слушающий Землю». И в этом его «покое» есть (во всяком случае тогда у меня было четкое ощущение) проникновение-слышание той неведомой тайны, о которой свойственно вожделеть молодому человеку… Эта «находка» авторская была оценена комиссией, и у Людмилы были творческие перспективы… И вдруг (она уже стала глубоко воцерковленным человеком) один старец, которого она стала духовной дочерью, не благословил её вообще заниматься светским искусством, а только церковным. Они много работали по церквям - с дочкой и подругой писали и иконы, и настенную живопись, но Людмила, мне кажется, внутренне не очень приняла то благословение. Внутренний «некомфорт» выражался и потом — болезни довольно рано подступили… Возникает вопрос к старцу: «А что, отче, разве Господь прекратил творческий процесс, живущий во всяком человеке, и особенно в художнике? Разве нельзя было направить те «поиски и находки» в библейское русло, условно говоря?»

Справедливости ради следует сказать, что тот же самый старец дал задание другой художнице, тоже нашей знакомой, Галине Скотиной нарисовать «Рай», не оставляя иконопись, и она столько нарисовала картин и картинок на радость самому Старцу и друзьям!

Но, может, я глубоко ошибаюсь?.. Мы не знаем, чего хотим, а старец знает?

Я позволил себе такое рассуждение, встретив в недавно подаренной брошюре высказывание о послушаниях другого старца, который «никогда не ломал свободной воли человека». «Когда мы спрашивали, — пишет автор книжицы, — старца, его благословения на выбор того или иного решения, он всегда спрашивал: «А ты сам как думаешь?» И когда человек излагал свое желание, батюшка, как правило, благословлял: «Так и поступай…»

Это была своего рода «ловушка», рассчитанная на время, на то, чтобы: «Надо помолиться», или «Давай помолимся до такого-то срока, а потом решим». То есть никакой «ломки свободной воли человека», а приглашение к рассуждению и, может быть, потом, к послушанию.

Так, безусловно, правильнее, даже и для старцев, хотя Людмила, рисовавшая осмысленные и светлые по состоянию картины, была и есть сама светлой души человеком, и для неё любое послушание будет спасительно, потому что кроме «светлости» у неё есть ещё и смирение.

А матушка все слабеет, и здесь тоже смирение и тихость, только совершенно другие, и я теряюсь и молчу…

Дневниковая запись. Утро 7 авг. 2017 г.– вечер 15 авг.

***

«Заблудих яко овча погибшее: Взыщи раба твоего, яко заповедей твоих не забых» (*Пс. 118 ст. 178*).

Такими словами заканчивается 17-я кафизма, которую мы (в Церкви и дома) читаем чаще других, понимая-осознавая, что речь идет о душе родственника или близкого человека, представшей пред Господом. Таковая картина «видится-представляется» у нас у всех по-разному, так как она потусторонняя, невидимая и таинственная, а бывает, что они, слова эти, пропеваются, или прочитываются, вообще, «на автомате», то ли за давностью подзабылась смерть близкого, и нет той остроты преж-

ней, начальной. Да и не может человек долго находиться в напряжении, должна наступить и ровность, лишь бы, при невнимательности к своей внутренней сердечной жизни, вовсе не очерстветь.

Но бывает в нашей жизни, когда слова, выше приведённые, звучат, произносятся в самом натуральном материальном происшествии. Ушёл человек в лес… и заблудился, как вот случилось с «нашей Машей». (Теперь это уже общеизвестная история, коль через интернет били тревогу). «Наша Маша» это на самом деле почтенная женщина, Мария Константиновна Публикова, которой в ноябре исполнится 79 лет, а мы её так называем, потому что давно в дружбе, с тех пор как поселились на Бору в одном доме (у нас была 63 квартира, а у них 64), и значит, наше знакомство с 1965 года… Наши дети - их Елена и наш Коля учились в одном классе с первого по девятый класс и были дружны так, что различия пола у них не существовало. Елена, кажется, чуть старше, и наш был «подопечный», во всяком случае уроки по арифметике, а потом по математике, их выполняемость прослеживала больше она, чем его родители…

«Ты пришёл?»

— Пришёл. — Это матушка моя из своей комнаты спрашивает. Она давненько побаливает, но последнее время перестала сопротивляться немощи своей и больше лежит. Этот обычный вопрос и раньше задавался, а в эту неделю, как пропала Мария Константиновна, матушка ещё сразу же прибавляла «Машу не нашли? Куда она могла пропасть?». Вопрос этот в течение оставшегося дня (после того, как «он пришёл») звучал с десяток раз, потому что «с памятью моей что-то стало», и видимо, это часть её, матушкиной, болезни.

С 1965 года по 1980 год дружба наша была постоянной и хорошей. То был «глухой» советский период, но он был «понятный и беспечный» — нецерковный… а в 1994 году, когда мы возвратились из Кинешмы, и меня Митрополит Николай благословил быть настоятелем Сергиевского храма на Бору, то начался период церковный и девять лет мы трудились по обустройству храма и Мария была одной из основных тружениц. В 2005 году «Сергиевское поприще» кончилось, и территориально мы оказались разделены, но дружба и привязанность остались, хотя немощи и болезни внесли некоторую нестабильность. «Наша Маша» приезжала на службы и во Владимирово и посещала матушку, когда она заболела и никуда из дома не выходила. Ягоды, грибы и пироги всегда в изобилии приносились ею и чаепития были неспешными, со всеми новостями о детях, близких и знакомых.

Грибами заведовал Саша (Александр Ильич), муж Марии Константиновны, и они у них до весны, особенно весь Великий пост, не переводились, и нас угощали. До солёных мы были не так охочи, а из сухих матушка моя делала отменные супы и грибную икру. А ягодами заведовала Маша. Летом постоянно угощала свежими, а зимой вареньями и сушёной малиной.

Лес они (Саша и Маша) любили до старости и в любую погоду вне рабочее время уезжали. На автобусах. То за Ивановский кордон, то до Плотинок. Машин тогда ни у нас, ни у детей не было. Это теперь и внуки, тоже разъезжают на машинах.

Машин не было и мобильных телефонов тоже, но общение было крепче и значимее потому, что «лицом к лицу», а не по «испорченному телефону», а главное общение - в Церкви, которые вдруг на Бору возродились и в которые можно и нужно собираться и делать общее дело — совершать (участвовать) Божественную Литургию. И это предлагается святыми отцами делать постоянно (чтобы показать любовь к Богу и принадлежность к Церкви Христовой). Если же это делание забывается и оставляется ради мирских дел и утех, то получается по строчке псалма: «Заблудих яко овча погибшее…»

Да не будет с нами так. Господи, помоги и спаси.

А Маша в итоге нашлась. Но это уже другая история…

СИЖУ ОДИН И СТУЛ НАПРОТИВ ПУСТ

В православном молитвослове в последней молитве «на сон грядущим» есть (после перечисления многих грехов за день содеянных) такое прошение: … «имиже (грехами) Тебе Бога моего и Творца прогневах и Ближнего моего онеправдовах: о сих жалея…». То есть надо было оправдать «Ближнего своего», а я не оправдал, и значит, присоединился к осуждению, (Бывает, что необязательно словесно осудил, а просто промолчал. Это когда молчание в знак согласия… надо было сказать в оправдание, а не сказал.) то есть «онеправдовах».

В Кинешме мы были ещё молоды, и я не так ясно ощущал присутствие матушки ежедневное, за обеденным столом, а здесь, на Бору в «Тесовой», у нас оказался круглый стол, оставшийся от старых хозяев, и мы постоянно сидели друг против друга (средний стул для гостя или какого-либо посетителя, а «четвертая» часть стола придвинута к стенке с окном) особенно в последний год и особенно за ужином…

И вот сегодня 9 дней с её кончины, и каждый вечер я ощущаю её, точнее будет сказать «не присутствие», взирая на стул, спинка которого так и покрыта её теплой шалью. И все вещи, находящиеся напротив меня, напоминают матушку. Сахарница с песком и торчащей из неё ложкой, ларец с лекарствами на тумбочке, о которую она опиралась правой рукой, записная книжка с ручкой (матушка записывала для себя бытовую всякую мелочь, так как всё моментально забывала), американский бокал, подаренный сыном, с которым она не расставалась — пила чай и всегда показывала пальцем, до половины, когда я наливал ей чай. Часы настольные, давно «не ходят», но не выбрасываются — памятный подарок от молодых (тогда) батюшки о. Павла Пономарева и его милой матушки Любови (их маленький сынок был ровесник нашему внуку, и они при встрече, когда нам внука привозили, азартно играли). Мы жили на одной улице (в Кинешме) и ходили друг к другу в гости. Матушка моя и матушка Люба были очень дружны, хотя разница в возрасте большая… И многое другое, что описанию не подлежит, а на зрительное восприятие действует, впрочем, не сильно тягостно и, слава Богу, не до отчаяния, а с пониманием неотвратимости бытия…

Лариса неоднократно, при соответствующих настроениях говорила: «Нет уж, ты меня похорони…»

Ну, вот мы её похоронили. Как будет дальше?.. Грустно, печально, но не тягостно же…

Не тягостно?.. И вспоминаю, что я не выполнил её просьбу — прочесть стихотворение, написанное ею лет 7 назад, при начале болезни, когда она перестала, по немощи физической и по немощи душевной, посещать храм. Никуда не выезжала из дома и только выходила в сад-огород. Ею овладевало одиночество, и она не хотела его преодолевать, и никакие уговоры-предложения поехать в автомобиле (от дома до дома) к сыну или дочери не действовали на нее, на всё — отказ. И единственное, что мне приходилось предпринимать — это читать ей (вместе с нею) хорошую литературу… И однажды, после грустной истории литературного героя (кажется, это было «Живые мощи» Ивана Тургенева) Лариса меня спросила:

— Хочешь, я тебе прочту своё стихотворение?.. А ты его прочти у моего гроба…

После прочтения мне стало тяжко, при всем несовершенстве поэтическом, но ясно выраженной тоской душевной, почти до слёз, но как-то

сдержался и заключил фразой, что «Богу весть, кто когда умрёт», но листочек взял и положил в «самую близкую папку».

Рассматриваю её портрет, написанный мною в молодости под названием «Крымский», и он уже не контрастирует с портретируемой, потому что её нет, потому что она ушла к родителям и стала причастницей иного, неведомого нам, оставшимся, бытия.

В последние два года матушка сильно постарела, но иногда очень четко проявлялось неведомое мне ранее состояние её лица, интересующее своей «новизной», но с «Крымским» портретом никак несовместимое. Хотя и в портрете, и в её поведении (тогда) и («сегодняшней») хорошо просматривалось смиренное принятие случившегося обстоятельства... Естественно, тогда ей было тридцать с небольшим, и сегодня, на Той стороне, может быть, как раз «соответствие»... Говорят же, что Там будут, Там будем все одного возраста, как бы 33 лет, и не старея пребывать в Вечности...

Сколько раз мы с Вами говорили слова: «Чаю (ожидаю) Воскресения мёртвых и жизни будущего века. Аминь». Аминь в переводе «истинно так».

Истинно так?.. Кто-то рекомендовал в таких случаях отвечать: «Верую, Господи, помоги моему неверию»...

Получилось затянувшееся предисловие, но, видимо, необходимое для внешнего стороннего и чаще всего ошибочного взгляда (судили мы её неправо, и я сам, может быть, иногда поддавался такому суду). Но я никогда не раскаивался в выборе жены своей. Богом мне посланной... и сегодня, сейчас, я собираюсь с духом, чтобы пересказать вам её стихотворение с опозданием в 40 дней...

Матушка печалится о скуке и одиночестве в старом доме. И что она никому не нужна... И говорит об ощущении болезни, с которой она сдружилась в безысходности своей, и что по ночам эта болезненная её часть ей сильно докучает... и никуда не отпускает... Поначалу удавалось сходить в храм, но и там охраняла её, «закрывая своим большим тёмным крылом» болезнь. Жалуется, что сильно устала от «плохой подруги своей, но прогнать её нету сил». Однако в самом конце стихотворения матушка всё же находит обнадёживающие слова; и просит у Бога, «чтоб Он за всё простил» её. И «у стоящих... у гроба прощенья тоже я прошу: До свиданья, все мои родные. Мои последние слова».

***

Итак, я пересказал матушкин стих и вроде бы исполнил ее пожелание. Старался выдержать напряжение... в заключение сказал несколько слов благодарности молящимся за нее (читающим Псалтырь), но на душе был какой-то осадок неудовлетворенности или смущения (что-то не то... м. б. такое. Слишком сердечное не надо выпячивать? Но, ведь она просила), в общем дома анализируя, оставался также в смущении..., но наша добрая помощница (матушка к ней так привыкла, что как за дочь принимала) подает мне маленький листок (вырезка из газеты), пожелтевший от времени (случайно нашла среди документов, разбирая в одном из отделений серванта). На нем фотография будущей матушки (т.е. жену священника) с кратким текстом: «*Ткачиха артели имени 1-е Мая комсомолка Лариса Мыльникова пришла на производство после окончания десятилетки в 1957 году. Сейчас она хорошо освоила свою профессию, выполняет нормы на 167 процентов и соревнуется за звание ударника коммунистического труда. На фотографии ткачиха артели имени 1-е Мая Лакриса Мыльникова.*»

Вырезка мала: ни даты, ни заголовка не имеется. Ну, газета должно быть: «Городецкая правда». Если фотография сделана через год после окончания десятилетки, то листочку почти 60 лет. И сделана до знакомства нашего — с конца 1957 года и до лета 1960 я служил в Советской

Армии… Но я не об этом. Рассматривая газетный листочек, мне вспомнились Ларисины руки. Они были ловкими и проворными, особенно, когда она выполняла работу, которую хорошо узнала. У неё было тонкое чутьё даже на дело, которому не учили, а только раз показали. К примеру, отменные по вкусу «закатанные» в банку огурцы, или связанный джемпер, или тонкий слух на занятиях по скрипке с сыном, хотя музыкального образования она не имела… Но и это не главное… Главное, скажите вы мне сами, мои читатели: как, по каким лекалам милые, дорогие «комсомолочки» превращались в «матушек»? Не знаете?.. Я тоже.

А сейчас меня тянет съездить на кладбище, к её могиле. Простите.

P.S. Впрочем, в поставленном вопросе я не точен. Вспоминаю, однажды высказанный Ларисой ответ. (Видимо она себе этот вопрос задавала: как в течение месяца знакомства вышла замуж?) Ответ она получила нечаянно, задав вопрос моей маме (у них были самые теплые отношения). Мама ей сказала: «Мы молились…». Так что видите «не по лекалам», а по молитвам родителей, «комсомолочки» превращались в «матушек».

Неделя 21-я по Пятидесятнице

«*Мы много раз слушали и читали Евангелие, и многие места из него помним и любим… Не послужит ли нам в осуждение то, что мы понимали Божие слово, но им не жили?.. Как часто слово Божие трогает нас и тотчас уносится потоком пустых и бесовских помыслов, тонет в пустословии и суете… А иногда слово Божие глубоко западает в сердце, но сердце окаменело от долгого упражнения в грехе, и слово не приносит плода… Богу приходится как молотом дробить нашу греховную окаменелость скорбями, чтобы слово Его могло лечь на добрую землю и принести духовный плод*». (*Настольная книга священника. Том 5, стр. 123*).

«Как молотом дробить…», но иногда для некоторых из нас «это дробление окаменелости нашего сердца» происходит, скажем так, «мягко», незаметно, щадяще… Ну повздыхаем: что это я стал (или стала) частенько побаливать? То и дело то в больнице, то дома хвораю?.. Что это? Наказание или вразумление к спасению? Чтобы «в разум истины прийти» и примирившись ждать?.. Ждать и молиться в меру болезненных сил… И читать или слушать Евангельские установки, и сокрушаться, что мы по ним, не жили, а сейчас и хотели бы, но не в силах… Господи, прости и помилуй!

***

Владимир и Надежда Яновы — наши старые друзья. У них была дочь Дария. Мы познакомились еще до моего священства. Их нашими (борскими) прихожанами назвать нельзя, но что мы одной «общины» — это точно.

Они (с болящей Дашей) приезжали в Кинешму. Посещали Успенский собор, в котором я служил с октября 1980 года. Потом, вскоре, мне удалось съездил в Петербург, куда они перебрались жить из Нижнего, чтобы Дашу пособоровать, но это всё эпизоды внешнего порядка, духовное родство (при всех шероховатостях жизни художников), возникшее при первом знакомстве, возрастало и крепло. Были письма, телефонные переговоры, редкие встречи, а про Дашу мы с Надеждой (мамой ее, взяв за основу её письмо) составили рассказ… Дарья умерла летом 1998 года.

В настоящее время супруги Яновы живут в Луге (Ленинградская область). Недавно отметили 50-ти летний юбилей, продолжают в меру сил своих творчески трудиться, молиться (Владимир прислуживает, т.е. исполняет обязанности алтарника, в местном храме), благодарить Бога и исполнять Дашино завещание: «За всё-спасибо! Со всеми помиритесь, всех простите, никого не осуждайте, всем дарите нежность, свет и тепло!»

Такой наказ необходим не только родителям Даши, а и всем прихожанам нашей общины, всем нам.

Рассуждение на исповедальные беседы

Что значит: «В покаянии приими мя?» Я уже покаялся, и всё равно в покаянии мя приими… Может быть, это значит то, чтобы не стать мыслить как фарисей?

— Пощусь (не сильно, но стараюсь…), делаю милостыню, езжу в храм, покупаю свечи… и ещё многое, что может промелькнуть в голове моей (ну ведь, стал же я чуть-чуть лучше, чем был до того).

Юридически, может быть, и верны мысли. И фарисей евангельский был (по закону) прав, но в нем царила гордость, возвышение ума и презрение к другим… Кажется, такая позиция характерна для «истов» (баптистов, иеговистов…) Они говорят: «**Христос искупил нас Кровью Своею…**» Это правильно, искупил. Но это не значит, что не нужно каяться, чтить крест, Матерь Божию…

Их духовное состояние опасно, считают православные. Оно похоже на «фарисейское»… Церковь называет «фарисея» безумным (говорил безумные глаголы), а мытарь что? Он стал святым со своим покаянием? Нет. Церковь говорит, что он пошел из храма более оправданным…

И мы сейчас, осудившие сектантов, можем сказать, что мы лучше? Нет. Это обстоятельство только говорит (они в одном понимании, а мы в другом) – мы «право»! и о том, что «человеку свойственно ошибаться», и, что человек свободен… мы же свою свободу направляем ко Христу, ко Кресту Его, у Которого разве можно не каяться? прими меня, нас…», а фарисейскую прелесть «не православных» мы не принимаем…, хотя и сами не застрахованы от неё. Очень даже может быть, что православный юридически может оказаться перед Судом Божиим «безумным фарисеем». От этого никто из нас не застрахован. Мы всегда должны быть на страже своего сердца: не возгордился ли я, не потщеславился ли я, не пренебрег ли ближним своим, не прелюбодействовал ли в мыслях и много всего прочего, что может и после очередной исповеди возвращаться в наше сердце.

Послушание Сергею Молькову

Озадачен я был отцом Евгением. Напиши, говорит, о своей Елене.

Елена у нас в молельном доме с детьми занимается. Они с ней красками пишут, керамику лепят и всячески развлекаются в предоставленной только им комнате, пока их родители преспокойно молятся. Ребятишки все талантливые. Они Елену любят. Ждут её. Если её нет, то и одни уже накрасят всё очень замечательно. Об этом и просил батюшка рассказать. Говорит: «Кто же лучше тебя твою жену знает? Ты и пиши о ней». А какой из меня писатель? Самодеятельность я и в этом деле не очень люблю. И придумал я увильнуть, попросить вместо себя хорошего друга-профессионала написать. Благо дело Валерий Григорьевич даже причащался у нас, во Владимирово, однажды, перед серьёзной поездкой на лечение. «Какой земечательный у вас батюшка» — было его впечатление от прошедшей службы. А уж Елену то Валерий Григорьевич знает лет двадцать, не меньше. И вот что он о ней написал.

«Лена Молькова — очень красивый и скромный человек. В ней нет никакого двуличия, никакого иронического подтекста, но есть большая глубина. Эта глубина идёт, как мне кажется, от целомудрия и ощущения полноты жизни.

Главный труд Лены Мольковой — её семья. Лену окружают сыновья, очень разные, но она не стремится сделать их похожими на себя или мужа. Муж Лены — замечательный скульптор Сергей Мольков. Сергей старше Лены в искусстве, он её наставник. Лена старше Сергея в жизни. Здесь он следует за ней. Они меняются местами и возрастами: то один старше и умнее, то другой. Они советуют друг другу, дополняют друг друга.

Наверное, поэтому сыновья — Андрей, Василий, Семён и Фёдор — такие похожие и разные. Кто-то любит историю, кто-то хоккей, кто-то

музыкален, а у кого-то дар рисовальщика. Несходные с родителями в мелочах, сыновья в главном на них похожи. Нет в этих молодых людях и пока ещё маленьких мальчишках нахрапистого, агрессивного отношения к жизни, когда людям кажется, что другие им должны.

Как художница Лена умеет отдалить близкое, показать знакомое и родное в новом ракурсе. А ещё она приближает незнакомое и далёкое, и оно перестаёт быть экзотическим и чужим. Вот, например, картина «Пожар в Африке»: на жёлтом солнечном фоне красные звери танцуют; этот танец символизирует смерть. В танце красота, отводящая смерть. Пожар вошёл в изображённых зверей, пожар и жираф стали одним целым. Смерть близка, но страха перед ней нет. Экзотическое становится своим. В созданном Господом мире ничего экзотического нет. Есть только экзотика нашего «Я», для которого всё не похожее на нас кажется странным.

Лена Молькова — прекрасная керамистка. В керамике — она мастер цвета, который словно бы заливает форму. Из печи фигурки птиц и животных, чаши, подносы, ангелы выходят тёплыми. Благодаря удивительному цвету они никогда не остывают. Детская неправильность формы, её асимметрия продолжаются в переливах цвета. Утилитарные вещи (чашки, подносы, блюдца) можно использовать по назначению: чай или варенье в них становятся невероятно вкусными.

Сергей, её муж, мастер жёсткой и строгой формы. Он Лену учит и направляет. Но в керамике Лены цвет словно овладевает формой, а живопись ведёт за собой лепку.

Когда у Сергея на охоте случился страшный аллергический приступ, Лена вывезла его из леса и спасла. Скорую помощь вызвали, но она не приехала. Вместе с сыном Андреем Лена привезла Сергея в больницу. Привезла вовремя. Не дала кругу семьи разомкнуться».

То, что написал о Елене Валерий Григорьевич Зусман, профессор, доктор филологических наук, директор Нижегородского филиала НИУ ВШЭ, хорошо и верно, но не всё может оказаться понятным нашим прихожанам… Однако работы её детей — её учеников воскресного класса и их лепные храмы говорят сами за себя и свидетельствуют о том, что их учительница учит их видеть красоту окружающего мира и размышлять в рамках Христова учения. А это значит, что они будут, должны стать христианами, при этом учительница Елена Валерьевна не посягает на свободу. Может, поэтому она у них почти как «мама» или как хорошая «тетя Лена».

Забытые письма. Копаясь в старых тетрадях

Тогда у о. Вячеслава Савиных, настоятеля Спасского собора Андрониковского монастыря в Москве «прежде времени» умерла матушка, и он издал в память о ней книгу с её работами — художественными и иконописными.

Его Высокопреподобию протоиерею Вячеславу!

Дорогой отец Вячеслав, благодарю тебя за присланные книги и за книгу о твоей матушке, память, которая с надписью для меня. Об этом я хотел написать сразу же, но тогда получился только телефонный у нас с тобой разговор. Другие три книги я определил для подарков Христине, внучке (в Николаеву семью), Татиане Буровой и Фотиние Пригоршневой. Все как-то, в меру способностей примыкают к теме иконописания.

После нашего разговора я хотел найти рисунок-набросок матушки Наталии, сделанный мною в с. Воскресенье, но пока так и не нашёл. А тогдашняя запись была следующая (когда долистал книгу вашу до страницы с текстом, сказанным Натальей от самого сердца): «Много ты потерпела Невеста Христова — Церковь Божия, идя Христовым Голгофским путём! Раздраны ризы твоя нового рода иконоборцами послеиконовских времён, святое твоё благолепие, кровью мучеников приобретённое и утверждённое Седьмым Вселенским собором, — иска-

жён смысл православного образа насаждением в Церкви обмирщенного искусства. Возродить православный образ — задача нашего времени. Смиренная р. Христова Наталия».

А, прочитав, стал рассматривать я Нерукотворный Образ Спасителя, понял тут, отчего, может быть, ты плакал в тот или иной момент и что сердечный плач есть у тебя и по сей день. Но думается, тоска твоя не столь уж тягостная… есть что смотреть ею оставленное, да и встретитесь же вы, поскорбев, не унывая, и продолжится ваша преданность друг к другу и любовь Христова заполнит остальное всё.

А Юрий Чувашев, как он любит вас и как хорошо об этом говорит. И правильно говорит. Умел бы я так, продолжил бы про иконы её, про то, как хорошо их рассматривать, созерцать, молиться (к сожалению, состояние сосредоточенности так не свойственно порой бывает нам), они — иконы её, располагают к созерцанию. Царские врата, выполненные ею, на мой взгляд, эталон понимания православной иконописи и прекрасная возможность к благоразумному подражанию.

И главное: сказанное краткое и ёмкое ею слово подтверждено делом и жизнью.

И ещё: на первый странице портрет в молодости. И уже тогда взгляд «внутрь себя». Какая удивительная цельность натуры, характера. Все образы ею созданные несут в себе ту же сосредоточенность.

Апостол Иоанн богослов (фрагмент из Царских врат), его взгляд, тоже глубокий «внутрь себя», но он же Апостол…

И вспоминается Натальина нелюдимость, осуждаемая со стороны. Таких или осуждают, или считают гордыми… И ошибаются. Не зря же сказано: «Не судите…». Но вот когда человек перешагнёт туда, а живым остаются созданные им дела-вещи, и мы вдруг начинаем видеть, что та нелюдимость была необходима, чтобы сообщить определённое состояние создаваемому образу. Первообраз (оригинал) безусловно все качества имел и без нас, но когда художник-иконописец привносит свою сосредоточенность, свой «взгляд внутрь себя», тогда происходит со-единение Божеского и человеческого… И «рождается» намоленный образ.

С братской любовью, о. Евгений

Успенский пост 2011 г. Бор